

УДК 94(497.1) +94(47)

Стоянович М.¹**СЕРБЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ИСХОД ИЗ ГАБСБУРГСКОЙ
МОНАРХИИ И ОБРЕТЕНИЕ НОВОЙ СЕРБИИ²**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**THE SERBS IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY: EXIT FROM THE
HABSBURG MONARCHY AND THE FOUNDATION OF NEW SERBIA**

Tula State University

Аннотация: В данной статье исследуется комплексное положение сербского народа в XVIII столетии, оказавшегося разделённым между Османской и Габсбургской империями после Карловицкого мира 1699 года. Анализируются различные модели существования сербов под османским игом в статусе райи и под властью Габсбургов в качестве военных граничар, выделяются общие черты угнетения и давления. Особое внимание уделяется процессу зарождения и развития политических, культурных и религиозных связей с Российской империей, которые стали ответом на системные вызовы. Центральное место в исследовании занимает детальный разбор причин, организации и реализации масштабного проекта переселения сербов в южнорусские степи в 1750-х годах, результатом которого стало создание автономных военно-поселенческих областей Новая Сербия и Славяносербия. На основе широкого круга источников раскрываются мотивы сторон, дипломатическое противостояние России и Австрии, а также внутренние проблемы и историческое значение этого уникального демографического и геополитического эксперимента.

Abstract: This article examines the complex situation of the Serbian people in the 18th century, divided between the Ottoman and Habsburg empires following the Treaty of Karlowitz in 1699. Different models of Serb existence under Ottoman rule as rayi and under Habsburg rule as military border guards are analyzed, highlighting common patterns of oppression and pressure. Particular attention is paid to the emergence and development of political, cultural, and religious ties with the Russian Empire, which emerged in response to systemic challenges. Central to the

¹ Стоянович Милан - ассистент кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

² Материалы Международной научно-практической конференции «Русско-сербские отношения в контексте формирования многополярного миропорядка: опыт и перспективы». ТулГУ 11 апреля 2025 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области от 23.12.2024 № 699 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2024 года». Договор на выполнение работы ДС/171 от 28 декабря 2024 г.

study is a detailed analysis of the causes, organization, and implementation of the large-scale resettlement of Serbs to the southern Russian steppes in the 1750s, which resulted in the creation of the autonomous military-settlement regions of New Serbia and Slavoserbia. Drawing on a wide range of sources, the motives of the parties involved, the diplomatic standoff between Russia and Austria, as well as the internal problems and historical significance of this unique demographic and geopolitical experiment, are explored.

Ключевые слова: Сербь, XVIII век, Карловицкий мир 1699 г., Османская империя, Габсбургская монархия, Военная Граница, российско-сербские отношения, сеча, миграция, Новая Сербия, Славяносербия, Новороссия, Йован Хорват, Йован Шевич, Райко Прерадович.

Keywords: Serbs, 18th century, Treaty of Karlowitz 1699, Ottoman Empire, Habsburg Monarchy, Military Frontier, Russian-Serbian relations, Sich, migration, New Serbia, Slavoserbia, Novorossiia, Jovan Horvat, Jovan Šević, Rajko Preradović.

Введение

XVIII столетие в истории сербского народа справедливо может быть охарактеризовано как эпоха «великого рассеяния» и стратегического выбора. Исход «Великой сеобе» 1690 года под предводительством патриарха Арсения III Чарноевича, закреплённый Карловицким миром 1699 года, юридически оформил раздел сербских этнических территорий между Османской и Габсбургской империями. Эта разделённость не была лишь географическим фактом; она породила две различные социокультурные и политические реальности, в которых приходилось существовать народу, сохранявшему единство веры, языка и исторической памяти. На юге, под продолжающимся османским господством, сербы, лишённые собственной государственности и аристократии, существовали как райя – податное сословие, подверженное произволу местных властей, экономической эксплуатации и постоянной угрозе насилия. На севере, в границах Габсбургской монархии, прежде всего в Военной Границе (Војна крајина) и на землях Венгерского королевства, они получили определённый правовой статус и привилегии в обмен на военную службу по защите имперских рубежей, но одновременно столкнулись с системным давлением со стороны католической церкви, мадьяризации (венгеризации) и германизации, а также с политическим диктатом венгерских сословий.

В этих условиях поиск внешнего покровителя стал для сербского политического и церковного руководства вопросом выживания. Запад, олицетворяемый папским Римом и венским двором, ассоциировался с униатским проектом и подчинением. Восток же, в лице

единоверной Российской империи, встававшего после петровских реформ в ряд великих европейских держав, начал восприниматься как естественный защитник и потенциальный освободитель. Таким образом, XVIII век стал временем зарождения, развития и институционализации сербско-российских отношений, которые из области культурно-религиозных контактов постепенно переросли в существенный фактор большой европейской политики.

Данное исследование ставит своей целью комплексный анализ положения сербского народа в течение XVIII столетия во всей полифонии его исторического существования. В фокусе внимания находятся следующие взаимосвязанные аспекты:

Анализ специфики положения сербов в двух империях: османской и габсбургской, включая административное устройство, социально-экономические условия, религиозную политику и эволюцию правового статуса.

Детальное рассмотрение генезиса и развития отношений с Россией, от первых дипломатических и церковных контактов в начале века до оформления идеи российского покровительства как политической доктрины.

Исследование ключевого демографического и политического феномена эпохи – организованного переселения сербов в Российскую империю в 1750-х годах, приведшего к созданию автономных военно-поселенческих областей Новая Сербия и Славяносербия. Анализ причин, механизмов, реализации и долгосрочных последствий этого проекта для обеих сторон.

Освещение роли сербов-эмигрантов и граничар в военно-политических планах России и Австрии на Балканах, их участия в русско-турецких и других войнах XVIII века.

Методологическую основу работы составляет историко-системный подход, позволяющий рассмотреть сербский вопрос как элемент сложной системы международных отношений в Юго-Восточной Европе. Применяется также компаративный метод для анализа различий в положении сербских общин под разной юрисдикцией. Исследование базируется на широком круге источников и научной литературы, включая документальные публикации, дипломатическую переписку, мемуары современников и фундаментальные труды сербской, российской и западной историографии.

Актуальность темы обусловлена не только её фундаментальным значением для понимания формирования современной сербской национальной идентичности и внешнеполитической ориентации, но и перспективами изучения имперских механизмов интеграции, модеми миграционных процессов и феномена «пограничья» в раннее Новое время.

1. Разделенный народ: сербы между Османской и Габсбургской империями в начале XVIII века

1.1. Карловицкий мир 1699 года и его демографические последствия

Мирный договор, заключённый в Сремски-Карловци 26 января 1699 года, подвёл черту под Великой Турецкой войной (1683-1699) и зафиксировал первое крупное территориальное отступление Османской империи в Европе. Согласно его условиям, граница между Габсбургской монархией и Портой устанавливалась по линиям Тисы и Дуная до устья Босута в Саву, а далее по Саве до реки Уны (Историја српског народа, 1994, с. 15). Это разделение имело глубокие и долговременные последствия для сербского народа.

Значительные территории с компактным сербским населением – Бачка, Бараня, Срем и часть Славонии – официально перешли под власть австрийского императора. Однако за этими, казалось бы, чёткими линиями скрывалась сложная демографическая реальность. Во-первых, южнее новой границы, в османских пашалыках (Београдском, Боснийском), оставалось большинство этнических сербов. Во-вторых, миграционные потоки, вызванные войной и репрессиями, не прекращались. «Великая сеоба» 1690 года, возглавленная патриархом Арсением III Чарноевичем, стала самым масштабным, но не единственным переселением. Беженцы продолжали прибывать и после Карловицкого мира, пополняя ряды граничар и меняя этническую карту Паннонской низменности.

Таким образом, к началу XVIII века сформировались два основных ареала сербского расселения:

1) Северный (под властью Габсбургов): Военная Граница (Славонская, Подунавская, Потисская, Поморишская), а также земли в составе Венгерского королевства. Сербь здесь обладали особым военно-административным статусом.

2) Южный (под властью Османов): Белградский пашалык, земли в Боснии и Герцеговине, Старая Сербия (Косово и Метохия), частично Черногория (формально под османским сюзеренитетом). Правовое положение определялось как райи – «паствы» султана.

Эта разделённость предопределила различный исторический опыт, но одновременно создавала потенциал для взаимодействия и взаимной поддержки между единоверными общинами по разные стороны границы.

1.2. Положение сербов в Османской империи: райя, криза и спорадическое сопротивление

В начале XVIII века Османская империя, хотя и ослабленная военными поражениями, всё ещё оставалась грозной силой на Балканах. Центральная власть в Стамбуле постепенно теряла контроль над отдалёнными провинциями, где усиливалась власть местных пашей, аянов и дербеев, чей произвол стал главным источником страданий для христианского населения.

Правовой статус сербов, как и других немусульман, регулировался системой зимми, которая гарантировала жизнь, имущество и свободу вероисповедания в обмен на уплату специального налога (джизья) и признание политического превосходства ислама. (Стойнович, 2025, с. 112-172). На практике это выливалось в многочисленные злоупотребления: непосильные налоги, произвольные поборы, насильственная конфискация имущества, физическое насилие. Экономическая эксплуатация усугублялась социальной дискриминацией: свидетельство христианина в суде против мусульманина не имело силы, строительство новых церквей было запрещено или крайне затруднено, публичное отправление культа ограничивалось.

Особую опасность для целостности общины представляла практика девширме – набора мальчиков из христианских семей для службы в янычарском корпусе и государственном аппарате. Хотя к XVIII веку этот институт пришёл в упадок, память о нём оставалась живой и болезненной (Стойнович, 2025, с. 112-149).

Несмотря на кажущуюся пассивность, сопротивление османскому гнёту никогда не прекращалось. Оно принимало различные формы: от индивидуального бегства в горы или за австрийскую границу до вооружённых выступлений. Историография традиционно связывает начало организованного национально-освободительного движения с Первым сербским восстанием 1804 года, однако в действительности на протяжении всего XVIII века на пространстве от Черногории до Белградского пашалыка вспыхивали локальные бунты (Историја српског народа, 1994, с. 29). Их причины были типичны: превышение налогов, насилие со стороны местных гарнизонов, реквизиции продовольствия и фуража для османской армии. Так, в 1711 году, когда турки приказали боснийским войскам выступить в поход против России, это спровоцировало крупное восстание, которое, однако, было быстро и жестоко подавлено.

Важнейшим институтом, сохранявшим национальную и религиозную идентичность сербов в Османской империи, была Православная церковь. Печская патриархия, несмотря на периоды упадка и финансовой зависимости от Порты, оставалась духовным и отчасти политическим центром народа. Митрополиты и епископы часто выступали в роли защитников и ходатаев за свою паству перед властями. Однако и церковь подвергалась

преследованиям: монастыри разорялись, церковное имущество конфисковывалось, духовенство облагалось непосильными налогами (Стоянович, 2025, с. 128-149).

Таким образом, жизнь сербов в Османской империи в XVIII веке была отмечена хронической нестабильностью, экономическим гнѐтом и постоянной угрозой насилия. Эта ситуация создавала мощный «выталкивающий» фактор, питавший миграционные настроения и надежды на внешнее вмешательство.

1.3. Сербь в Габсбургской монархии: привилегии и давление Военной Границы

Положение сербов под властью Габсбургов кардинально отличалось от османского, но также было далеко от идиллии. Их статус определялся двумя ключевыми факторами: военной необходимостью и религиозно-политическими интересами Вены (Стоянович, 2022, с. 13-38).

Центральным институтом, вокруг которого строилась жизнь большинства сербов в монархии, была Военная Граница (Војна крајина). Созданная как буферная зона против османской угрозы, она представляла собой уникальный военно-административный организм. Граничары (крајишници) получали землю в наследственное владение, освобождались от части феодальных повинностей и подчинялись непосредственно военному командованию в Вене, минуя венгерские сословные органы. В обмен они обязывались нести пожизненную военную службу, содержать в готовности оружие и по первому приказу выступать в поход. Эта система создала особое военное сословие, отличавшееся высоким боевым духом, внутренней солидарностью и преданностью императору-«царю».

Привилегии Границы, закреплѐнные в т.н. «Статутах» (Статута), привлекали новых переселенцев с османских территорий. Однако жизнь граничара была суровой. Военная служба была постоянной и опасной, хозяйство страдало из-за отсутствия мужчин, дисциплина была жѐсткой. Кроме того, австрийское командование часто использовало граничар как пушечное мясо в войнах по всей Европе – от Италии до Фландрии, где они гибли вдали от родных краѐв за чуждые им интересы.

Религиозный вопрос стал главным источником напряжения между сербами и венским двором. Габсбурги, считавшие себя главными защитниками католицизма, видели в православном населении потенциальную «пятую колонну» и объект для обращения. Политика контрреформации, активно проводившаяся в Венгерском королевстве, затронула и сербов. Давление осуществлялось разными методами:

1) Материальное стимулирование унии: православным, перешедшим в греко-католическую (униатскую) церковь, обещали налоговые льготы, доступ к образованию и

государственной службе.

2) Ограничения для православных: запрещалось строить новые церкви, православные священники не признавались государством, их браки считались недействительными.

3) Деятельность миссионерских орденов: Иезуиты, францисканцы и другие католические ордена вели активную пропаганду среди православного населения, особенно в городах.

4) Культурное давление: ограничивалось использование кириллицы, доступ к образованию на родном языке был крайне затруднён.

Ответом сербов стало упорное сопротивление ассимиляции и поиск внешней поддержки. Карловацкая митрополия (учреждённая в 1708 году для сербов в Габсбургских владениях) стала не только религиозным, но и политическим центром национальной жизни. Митрополиты, такие как Вичентие Йованович, постоянно ходатайствовали перед властями о защите прав своей паствы и одновременно искали контакты с Россией (Стоянович, 2022, с. 13-38).

Этнодемографическая политика Габсбургов также вызывала тревогу. После освобождения от турок обширных земель в Бачке, Банате, Баранье и Среме, которые были почти исключительно заселены сербами, Вена начала планомерную колонизацию этих территорий немецкими (швабскими) переселенцами, а также венграми и румынами. Колонисты получали значительные льготы: лучшие земли, освобождение от налогов на много лет, помощь в строительстве. Сербское же население, наоборот, вытеснялось на менее плодородные участки, его права урезались. Целью было создание лояльного немецко-католического ядра в стратегически важных регионах и размывание сербского этнического массива. Эта политика привела к тому, что многие сербские семьи, разочарованные ущемлением своих прав, стали задумываться о новой миграции – на этот раз на восток, в Россию.

Таким образом, под властью Габсбургов сербы, с одной стороны, получили военную организацию и некоторые автономные права, позволившие сохранить идентичность, а с другой – столкнулись с системным религиозным и этническим давлением, которое к середине века достигло пика и стало главной движущей силой «великого исхода» 1750-х годов.

2. *Зарождение и развитие сербско-российских отношений в первой половине XVIII века*

2.1. *Первые политические контакты: миссия Михаила Милорадовича и визит владыки Данилы*

Отношения сербского и русского народов, основанные на общности веры и славянского происхождения, имеют многовековую историю. Однако в политической плоскости они оформились именно в начале XVIII века, в контексте борьбы России за выход к южным морям и противостояния с Османской империей.

Первой официальной российской политической миссией к балканским христианам считается деятельность полковника Михаила Милорадовича в 1711-1712 годах. Милорадович, потомок знатного герцеговинского рода Храбрень-Милорадовичей, перешедший на русскую службу, был направлен царём Петром I к черногорским, брдским и герцеговинским племенам с целью поднять их на восстание против турок и отвлечь османские силы от основного театра военных действий – русского фронта (Богоявленский, 1946, с. 58-62; Нарочницкий, Петрович, 1984, с. 34-37). Летом 1711 года он высадился в Грбалье и зачитал племенам царскую грамоту с призывом к восстанию. Одновременно аналогичную миссию в Боку Которскую выполнял капитан Лукачевич (Стоянович, 2023, с. 466-473).

Инициатива имела символическое, но не практическое значение. Племена, хотя и ненавидевшие турок, были разобщены, плохо вооружены и не решались на открытое выступление без гарантированной военной поддержки извне. После поражения России на Пруте и заключения мира, Милорадович был вынужден покинуть Черногорию. Турки, в отместку за попытку мятежа, жестоко наказали население, разрушили монастырь на Цетине и принудили племенных старейшин к покорности (В. Ђорђевић, 1920, с. 56-60; С. Мијушковић, 1955, с. 112-115). Однако сам факт прибытия царского эмиссара произвёл сильное впечатление на балканских христиан, показав, что далёкая православная империя начинает интересоваться их судьбой.

Более значимым с дипломатической точки зрения стал визит в Россию черногорского владыки Данилы Петровича Негоша в 1714-1715 годах. Данило, первый в истории черногорский митрополит, посетивший Россию, искал покровительства Петра Великого для своей раздираемой междоусобицами и угнетаемой турками страны. Пётр принял его милостиво, выдал две грамоты и оказал значительную финансовую помощь: 500 рублей ежегодно Цетинскому монастырю, 5000 рублей лично владыке, средства на дорожные расходы, а также деньги и медали для племенных старейшин (Станојевић, 1955, с. 88-95). Это положило начало официальным отношениям между российским двором и балканскими православными иерархами (Стоянович, 2022, с. 38-50).

Однако политика Данилы, как и многих других балканских лидеров, была прагматичной. Не ограничиваясь Россией, он вёл переговоры и с Австрией, и с Венецией,

пытаясь извлечь максимальную выгоду из соперничества великих держав. Так, в 1716 году он обещал австрийскому полководцу Евгению Савойскому выставить 40-тысячное войско (цифра, очевидно, завышенная) в обмен на поддержку. А в 1717 году, под давлением племенной знати, ориентированной на Венецию, был вынужден признать протекторат этой республики над Черногорией. Эта «многовекторность» свидетельствовала о сложной и опасной ситуации, в которой приходилось лавировать малым балканским народам.

2.2. Культурно-религиозные связи: учителя, книги и духовные запросы

Параллельно с политическими контактами развивались не менее важные культурные и религиозные связи. Для сербов в Габсбургской монархии, испытывавших острую нехватку образованных кадров и богослужебной литературы, Россия стал главным источником интеллектуальной и духовной поддержки.

Уже в 1718 году карловацкий митрополит Мойсие из Вены обращался к русскому посланнику с просьбой к царю прислать учителей для обучения сербских детей «словенскому и греческому языку». В октябре 1721 года он вновь писал Петру I, умоляя прислать «учителей и книги, ибо сербы не имеют типографий» (ИСН, 1994, с. 133). Российская сторона откликнулась: весной 1722 года в Карловцы были отправлены 70 грамматик Мелетия Смотрицкого, 10 экземпляров лексикона Фёдора Поликарпова и 400 букварей. Однако австрийские власти, опасавшиеся роста русского влияния, практически сразу запретили ввоз этих книг (Стоянович, 2023, с. 466-473).

Несмотря на препятствия, контакты продолжались. В 1726 году в Карловцы прибыл первый официальный русский учитель – Максим Суворов. В феврале 1727 года он открыл школу в Белграде (в тот период находившемся под австрийским контролем), но вскоре был вынужден вернуться в Россию. В последующие годы митрополиты Вичентие и другие иерархи неоднократно обращались к российской императрице Анне Иоанновне и киевскому митрополиту с просьбами прислать новых преподавателей, в частности из знаменитой Киево-Могилянской академии. В 1733 году двое таких учителей прибыли и внесли существенный вклад в развитие письменности среди сербов (ИСН, 1994, с. 134).

Эта помощь была бесценна. В условиях, когда австрийская администрация материально поддерживала только католические школы, а собственная книгопечатная база была слаба, русские книги и педагоги стали главным инструментом сохранения грамотности и православной образованности. Они укрепляли культурную связь с Россией и формировали среди сербской интеллигенции образ России как защитницы и благодетельницы.

2.3. Дипломатическое оформление интересов: сербский вопрос в контексте русско-австрийско-османских отношений

К середине века сербский вопрос постепенно начал входить в сферу большой европейской дипломатии. Россия, утвердившаяся на берегах Балтики, всё активнее стремилась к Чёрному морю. Её продвижение на юг встречало сопротивление как Османской империи, так и, в определённой степени, Австрии, которая сама имела виды на балканские территории.

В этом контексте сербы, особенно военные поселенцы Границы, стали разменной монетой и потенциальным инструментом в руках великих держав. Австрия ценила их как дешёвую и эффективную военную силу для защиты своей длинной границы с Портой и для участия в европейских войнах. Россия же видела в них:

1) Союзников в возможной войне с Турцией: потенциальных повстанцев в тылу османской армии.

2) Ценный человеческий ресурс для заселения собственных южных окраин: опытных воинов-земледельцев, способных освоить степные просторы и защитить новые границы.

3) Идеологический аргумент: защита единоверных и единокровных братьев стала важным элементом российской внешнеполитической риторики, легитимизировавшей её экспансию на юг.

Первые сигналы о готовности сербов перейти на русскую службу поступали ещё в 1710 году, накануне Прутского похода. Однако тогда этому воспротивился валахский господарь Константин II Бранковян, убедивший Вену не позволять сербам участвовать в войне на стороне России из-за опасений ввода русских войск в Венгрию.

Ситуация изменилась после русско-турецкой войны 1735-1739 годов. Хотя война закончилась для России не самым удачным Белградским миром, она показала стратегическую важность Балкан. В это же время в среде сербских офицеров Габсбургской службы, недовольных ущемлением своих прав, начала созревать идея массового переселения в Россию. Эта идея нашла благодатную почву в Петербурге, где понимали ценность такого людского ресурса.

Таким образом, к 1740-м годам сложились все предпосылки для масштабного демографического и политического проекта: со стороны сербов – накопленная обида и желание найти новое отечество под скипетром православного монарха; со стороны России – стратегическая потребность в заселении Новороссии и интересы балканской политики; со стороны Австрии – недальновидная политика, толкавшая своих лучших граничар-солдат в объятия геополитического соперника.

3. *Великое переселение: причины, организация и создание Новой Сербии и Славяносербии (1751-1764)*

3.1. Причины и предпосылки исхода: кризис в Габсбургской монархии

Решение о массовом переселении сербов в Россию не было спонтанным. Оно стало кульминацией длительного кризиса доверия между сербским населением, особенно военным сословием Границы, и венским двором. Ключевыми причинами стали (Стоянович, 2022, с. 13-38):

1) Упразднение военно-приграничного статуса. В 1745 году, под давлением венгерских сословий, стремившихся унифицировать административное устройство королевства и ликвидировать автономные военные округа, были упразднены Потисская и Поморишская краины. Их территории были включены в состав комитатской (жупанийской) системы Венгерского королевства. Для сербов-границар это означало потерю особых привилегий, подчинение венгерской администрации и превращение из военного сословия в обычных крестьян, обременённых налогами и повинностями в пользу венгерских магнатов.

2) Усиление религиозного давления. Политика унии и католизации, несмотря на формальные гарантии, продолжалась. Сербская православная церковь была лишена государственной поддержки, в то время как католические и униатские структуры получали щедрое финансирование. Это воспринималось как прямая угроза национальной и религиозной идентичности.

3) Этнодемографическая политика колонизации. Планомерное заселение Бачки, Баната и других регионов немецкими колонистами, получавшими лучшие земли и льготы, отталкивало коренное сербское население, чувствовавшее себя чужим на собственной земле.

4) Ограничение карьерного роста. В австрийской армии для сербских офицеров существовал негласный «стеклянный потолок». Достичь чина капитана было крайне сложно, о высших чинах (майор, полковник) большинство могло только мечтать. В то же время из России приходили сведения о том, что сербы на царской службе быстро продвигаются по карьерной лестнице.

5) Агитация российских агентов. Российская дипломатия, в первую очередь через посла в Вене графа М.П. Бестужева-Рюмина, активно вела вербовку среди недовольных сербских офицеров, обещая землю, чины и сохранение веры (Сеоба Срба..., 2003, с. 45-52). Бестужев-Рюмин в своих донесениях императрице Елизавете Петровне подчёркивал военную ценность сербов и целесообразность их переселения для укрепления южных границ России.

На этом фоне обращение группы сербских офицеров во главе с Йованом Хорватом к российской императрице с просьбой принять их на службу стало закономерным. Их

прошение, подкреплённое практическими соображениями Петербурга, получило высочайшее одобрение.

3.2. Организация переселения и дипломатическое противостояние с Австрией

Переселение проходило в 1751-1753 годах и сопровождалось острой дипломатической борьбой между Россией и Австрией.

Йован Хорват, получивший в России чин генерал-майора, стал главным организатором вербовки. Его агенты, такие как Г. Воич, Д. Перич и П. Текелия, разъезжали по сербским сёлам в Потисье и Поморишье, убеждая граничар в преимуществах жизни в России. Желавших было так много, что офицеры получали паспорта, куда вписывали десятки и даже сотни имен (Сеоба Срба..., 2003, с. 183-196).

Венский двор, первоначально не придававший значения «оттоку нескольких недовольных», вскоре осознал масштаб угрозы. Опустение целых районов на границе с Османской империей создавало прямую опасность для безопасности монархии. В ответ австрийские власти:

- 1) Запретили вербовку и агитацию.
- 2) Начали преследование агентов Хорвата, арестовав его слуг.

В июне-июле 1752 года издали «Казнённый патент», который предусматривал суровые наказания, вплоть до смертной казни и конфискации имущества, для вербовщиков и нелегальных перебежчиков.

Однако давление было запоздалым и неэффективным. Хорват, опасаясь ареста, бежал в Киев в октябре 1751 года, за ним последовал поток офицеров и рядовых граничар. В сентябре 1752 года в Россию с большим числом людей прибыл подполковник Йован Шевич, а затем и полковник Райко Прерадович, командир Славонского гусарского полка. Попытки австрийцев арестовать Прерадовича лишь подогрели негодование среди сербов.

Дипломатический спор был улажен ввиду союзнических отношений между Россией и Австрией в преддверии Семилетней войны. Мария Терезия, не желая ссориться с Петербургом из-за «нескольких тысяч семей», в конечном итоге была вынуждена смириться с исходом. Венгерским же магнатам, наоборот, миграция сербов была выгодна, так как освобождала плодородные земли (Стоянович, 2022, с. 38-50).

3.3. Основание и устройство Новой Сербии

Указом императрицы Елизаветы Петровны от 24 декабря 1751 года «О принятии сербов в подданство, желающих поселиться в России и служить в полках с целью укрепления границы с турецкой землёй и заселения оных» была официально учреждена Новая Сербия (М. Костић, 2001, с. 55-70).

Эта автономная военно-административная область была создана на правом берегу Днепра, на территории современной Кировоградской области Украины. Её центром стал Новомиргород (ныне Кропивницкий). Территория представляла собой почти незаселённую степь, пограничную с землями Запорожской Сечи и Крымского ханства.

Новая Сербия была организована по образцу австрийской Военной Границы. Основной единицей были шанцы – укреплённые поселения, одновременно бывшие военными гарнизонами и сельскими общинами. Поселенцы получали земельные наделы (приблизительно по 20-30 десятин на двор) и денежное жалованье. Взамен они обязаны были нести пожизненную военную службу. Управление областью осуществлял генерал-майор Йован Хорват, подотчётный непосредственно Военной коллегии и Сенату России.

Предполагалось сформировать несколько гусарских и пехотных (пандурских) полков. Были основаны десятки сёл, названных в память о родине: Сомбор, Вршац, Мошорин, Сента, Канижа, Бечей, Панчево, Земун и др. (М. Костић, 1923, с. 124-150). Это была попытка воссоздать в степях Украины миниатюрную копию сербского этнографического мира (Стоянович, 2022, с. 38-50).

3.4. Основание и устройство Славяносербии

Вторая, более многочисленная волна переселенцев во главе с Йованом Шевичем и Райко Прерадовичем первоначально также направлялась в Новую Сербию. Однако между Хорватом и новыми лидерами возник конфликт. Шевич и Прерадович не желали подчиняться Хорвату и потребовали выделения отдельной территории.

Указом императрицы от 29 мая 1753 года им была дарована земля на левом берегу Северского Донца, между крепостями Бахмут (ныне Артёмовск) и Луганск. Так была создана Славяносербия (В. И. Подов, 2009, с. 23-40). Её административным центром стал Бахмут. Устройство было аналогично новосербскому: военные поселения-шанцы, земельные наделы, гусарские полки под командованием Шевича и Прерадовича. Среди основанных сёл были также топонимы, перенесённые с Балкан. (Стоянович, 2022, с. 38-50)

Оба региона – Новая Сербия и Славяносербия – не входили в состав каких-либо губерний, а подчинялись напрямую центральным органам власти в Петербурге, что подчёркивало их особый статус военных автономий.

3.5. Проблемы интеграции, злоупотребления и ликвидация автономий

Жизнь на новых землях оказалась чрезвычайно трудной. Переселенцы столкнулись с суровым климатом, безводной степью, отсутствием инфраструктуры и жилья. Ближайшие крупные города были в нескольких днях пути. Местное малороссийское и запорожское население враждебно относилось к новоприбывшим, которых обязывали строить для них

жилища и инфраструктуру.

Однако главные проблемы были внутренними. Среди сербского офицерства быстро расцвели казнокрадство, nepoтизм и злоупотребления властью. Йован Хорват в Новосербии выделялся особенно: он завышал в отчётах численность полков, присваивал казённые деньги, предназначенные для жалования и обустройства поселенцев. В 1763 году, после расследования, он был разжалован, лишён имущества (которое пошло на покрытие ущерба в 65 000 рублей) и сослан в Вологду (Пишчевић, 1963, с. 201-215).

Несмотря на трудности, сербские колонисты проявили замечательную устойчивость. Они наладили земледелие и торговлю, устраивали крупные ярмарки у крепости Св. Елисаветы (в Новой Сербии) и в Бахмуте. Сербь из Славяносербии первыми начали разведку и добычу каменного угля и железной руды в Донбассе, заложив основы будущего промышленного развития региона.

С воцарением Екатерины II (1762) и успехами России в русско-турецкой войне 1768-1774 годов, границы империи значительно отодвинулись на юг. Необходимость в пограничных автономиях внутри страны отпала. В 1764 году Новая Сербия и Славяносербия были упразднены и преобразованы в Новороссийскую губернию. Сербские гусарские полки были переформированы в регулярные части российской армии.

Главным долгосрочным последствием этого проекта стала быстрая ассимиляция сербских переселенцев. Уже второе поколение, родившееся в России, слабо говорило по-сербски. Браки с местным населением, отсутствие тесной связи с исторической родиной и мощное влияние русской культуры привели к тому, что к концу XIX века потомки некогда гордых граничар в большинстве своём считали себя русскими или малороссами (украинцами). Тем не менее, их вклад в освоение Новороссии и Донбасса, а также военную мощь империи был неоценим. Этот опыт также показал российским властям потенциальные выгоды и риски подобных масштабных переселенческих проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богоявленский, С. Из русско-сербских отношений при Петре Первом. Вопросы истории, № 8–9. Москва. 1946.
2. Веселиновић, Р. Л. Српско-руске везе крајем XVII и првих година XVIII столећа. У: Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд. 1986.
3. Гавриловић, С. Вести о руско-турском рату 1768–1774. и његови одједи међу православнима на Балкану и Хабсбуршкој монархији. Зборник радова „Русија и јужнословенски народи у XVIII веку”. САНУ, Београд. 1985.

4. Ђорђевић, В. Турски поход на Црну Гору 1712. год. Глас СКА, Сарајево, 96, Други разред, 56. 1920.
5. Историја српског народа, књ. 4, т. 1: Срби у XVIII веку Београд. 1994 [ИСН, 1994].
6. Костић, М. Српска насеља у Русији: Нова Србија и Славеносрбија. Београд. 1923.
7. Костић, М. Нова Србија и Славеносрбија. Нови Сад. 2001.
8. Мијушковић, С. Догађаји у Црној Гори од појаве Милорадовића до Нуман пашиног похода. Историски записи, св. 1–2. Цетиње. 1955.
9. Нарочницкий, А. Л., Петрович, Н. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: документы. Москва. 1984.
10. Пишчевић, С. Мемуари. Београд. 1963.
11. Подов, В. И. Славеносрбија: преглед из историје насељавања Донбаса у 18. веку: документи. Нови Сад. 2009.
12. Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века // Зборник радова са међународног научног скупа. Нови Сад. 2003.
13. Станојевић, Г. Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње. 1955.
14. Стојановић М. Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас. Нови Сад : Архив Војводине. 2022.
15. Стоянович М. Петр Велики и сербы // В сборнике: МИР ОРУЖИЯ: ИСТОРИЯ, ГЕРОИ, КОЛЛЕКЦИИ. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 466-473.
16. Стоянович М. Балканы: история и перспективы, Москва. 2025.
17. Црногорско-руски односи 1711–1918, књ. 1. Подгорица–Москва. 1992.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Bogoyavlensky, S. From Russian-Serbian relations under Peter the Great. Questions of History, No. 8–9. Moscow. 1946.
2. Veselinović, R. L. Serbian-Russian relations at the end of the 17th and the first years of the 18th century. In: Yugoslav countries and Russia in the 18th century. Belgrade. 1986.
3. Gavrilović, S. News of the Russian-Turkish war 1768–1774. and its echoes among the Orthodox in the Balkans and the Habsburg monarchy. Collection of papers "Russia and the South Slavic peoples in the 18th century". SANU, Belgrade. 1985.
4. Đorđević, V. Turkish invasion of Montenegro in 1712. Glas SKA, Sarajevo, 96, Second grade, 56. 1920.
5. History of the Serbian people, vol. 4, vol. 1: Serbs in the 18th century Belgrade. 1994

[ISN, 1994].

6. Kostić, M. Serbian settlements in Russia: New Serbia and Slavic Serbia. Belgrade. 1923.
7. Kostić, M. New Serbia and Slavic Serbia. Novi Sad. 2001.
8. Mijušković, S. Events in Montenegro from the appearance of Miloradović to Numan Pasha's campaign. Historical records, vol. 1–2. Cetinje. 1955.
9. Narochitsky, A. L., Petrovich, N. Political and cultural relations of Russia with the Yugoslav lands in the 18th century: documents. Moscow. 1984.
10. Pishchevic, S. Memoirs. Belgrade. 1963.
11. Podov, V. I. Slavo-Serbia: a review of the history of settlement of Donbass in the 18th century: documents. Novi Sad. 2009.
12. The migration of Serbs to the Russian Empire in the middle of the 18th century // Proceedings of the International Scientific Conference. Novi Sad. 2003.
13. Stanojevic, G. Montenegro in the time of Bishop Danilo. Cetinje. 1955.
14. Stoyanovich M. History of Serbian-Russian political relations from the 18th century to the present. Novi Sad: Archives of Vojvodina. 2022.
15. Stoyanovich M. Peter the Great and the Serbs // In the collection: WORLD OF WEAPONS: HISTORY, HEROES, COLLECTIONS. Collection of materials of the 10th International Scientific and Practical Conference. Voronezh, 2023. S. 466-473.
16. Stoyanovič M. Balkans: History and Perspectives, Moscow. in 2025
17. Montenegrin-Russian relations 1711–1918, vol. 1. Podgorica-Moscow. in 1992

Рецензент: Ковалев С.Н. – заведующий кафедрой «История государства и права» ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», канд. эконом. наук, доцент